

УДК 821.512.145

Детская проза Махмута Хасанова

Хайруллина Альбина Алмасовна

Аспирант,

Институт языка, литературы и искусства им. Галимджана Ибрагимова
академии наук Республики Татарстан,

420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, Казань, ул. К. Маркса, 12;
e-mail: hi.masana@yandex.ru

Аннотация

В 60-80-х годах XX века татарская детская проза в своем развитии смыкается с теми изменениями, которые происходили в литературе конца века, а именно – стремление отобразить взаимоотношения между человеком и обществом во всей полноте. Это выдвинуло на первый план серьезные реалистические произведения, где сформируются тенденции лирико-эмоционального, психологического, критического и публицистического стилей. Основные черты, присущие стилю М. Хасанова, – это привлечение внимания читателя напряженному духовному поиску, размышлениями о философских ценностях, авторской позицией в вопросах национального бытия. Вместе со всей литературой детская литература, начиная с момента формирования и по сегодняшний день, прошла сложный и длинный путь, опираясь на традиции, выработанные человечеством, претерпевая изменения, соответствующие требованиям времени, в каждую эпоху освещая важнейшие вопросы в области воспитания. Обращение к условно-метафорическому уровню повернуло и развитие детской прозы в другое направление. В повестях и рассказах изображение природных явлений и пейзажей обогатилось с функциональной точки зрения, с целью усиления художественности в ткани произведения образовался символический пласт. В произведениях Хасанова, адресованных детям, наблюдаются черты, объединяющие их с творчеством видных татарских писателей, в этом ряду можно отметить психологизм А. Еники, народность языка Г. Баширова, лиризм М. Магдиева и др. Детская проза М. Хасанова занимает особое место в литературе, ориентированной на национальные истоки и традиции.

Для цитирования в научных исследованиях

Хайруллина А.А. Детская проза Махмута Хасанова // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 1А. С. 270-282.

Ключевые слова

Детская литература, Махмут Хасанов, философские ценности, национальная принадлежность.

Введение

Особенности татарской детской литературы XX века и тенденции ее развития в последние годы исследовались литературоведом Л.И. Мингазовой и нашли отражение в ряде ее научных трудов [Abulhanova, Gumerova, Mingazova, 2016; Мингазова, 2011; Мингазова, 2013;]. По мнению ученого, татарская детская литература сформировалась в начале XX столетия и получила развитие в различных направлениях [Минһажева, 2011]. «Вместе со всей литературой и детская литература, начиная с момента формирования и по сегодняшний день, прошла свой сложный и длинный путь, опираясь на прекрасные традиции, выработанные человечеством, претерпевая изменения, соответствующие требованиям времени, в каждую эпоху освещая важнейшие вопросы в области воспитания» [там же]. «Одними из основных особенностей детской литературы является следующее: внутренний мир ребенка, его переживания и чувства описываются взрослыми» [там же]. Видный татарский писатель Ф. Хусни, внесший большой вклад в развитие детской прозы, пишет: «Прежде чем приступить к написанию какого-либо произведения для детей, проверь себя и задай вопрос: а порадовали ли первым делом тебя самого те вещи, которыми собираешься радовать остальных и особенно детей? Во-вторых, всегда и во всем – и в больших, и в малых вопросах – будь правдив в отношении свойственной ребенку природы, никоим образом не обманывай, ничем не угнетай невинную и наивную природу ребенка» [Хәсни, 1961, 131].

Тенденции развития татарской детской прозы в середине XX века

Начиная с 1950–1960 годов в адресованной детям прозе Г. Губай, А. Шамов, Л. Ихсанова, Г. Сабитов и др. объектом отображения выбрали духовный мир человека. Новые веяния, привнесенные в татарскую прозу в 60–80 годах XX века, оказали благотворное влияние и на развитие детской прозы. В этот период татарская литература постепенно совершает переход от общественно обусловленного психологизма к рассмотрению духовного мира человека как самостоятельной философской ценности, вне зависимости от исторических и общественных факторов [Заһидуллина, 2006, 4]. Также и в 1980 годах писатели в своем творчестве отдавали предпочтение изображению человеческих чувств и переживаний.

В 60–80-х годах XX века татарская детская проза в своем развитии смыкается с теми изменениями, которые происходили в литературе конца века. По мнению литературоведа Д. Загидуллиной, в 1980 годах воцарившееся в прозе стремление в первую очередь раскрыть, отобразить взаимоотношения между человеком и обществом во всей полноте, вы-

двинуло на первый план серьезные реалистические произведения [там же]. Ученый выделяет сформировавшиеся в прозе тенденции лирико-эмоционального, психологического, критического и публицистического стилей.

Таким образом, к 80-м годам прошлого века в татарской прозе отчетливо наметились стилевые тенденции, которые в будущем станут определять изменения в ней. Во-первых, на первый план выходит лирико-эмоциональное начало и оно, с одной стороны, свидетельствует о том, что в ткани произведения большое место начинает занимать субъективный пласт, а с другой стороны, способствует тому, что образ рассказчика или автора, не оставаясь в роли наблюдателя за ходом событий, трансформируется в героя – участника тех событий. Во-вторых, наблюдается усиление и рост психологизма. Известно, что в 1960–1980 годах Г. Сабитов, Г. Гильманов, Н. Гиматдинова и др., продолжая традиции, заложенные классиками татарской литературы Ф. Амирханом, Ш. Камалом и др., обращение к духовному миру, психологии человека возвели в ранг объекта изображения. Психологизм – это категория содержания и формы, предполагающая наиболее полное, подробное и глубокое отображение внутреннего мира, то есть чувств, мыслей, переживаний, желаний и стремлений персонажа с помощью своеобразных приемов и средств художественной литературы. Это эстетическое единство/целостность, отражающее тематику, проблематику и особенности пафоса произведения, личностную концепцию автора, представления литератора о том или ином психологическом состоянии и т. д.

Содержание, привнесенное в психологическое крыло татарской детской прозы между 1980–1990 годами Ф. Яруллиним, Г. Сабитовым, Г. Гильмановым, Н. Гиматдиновой, В. Нуриевым, как бы возвестило о вступлении литературы в новую эпоху. Несмотря на то, что отдельные этапы развития детской прозы были исследованы литературоведами, однако рассказы писателя М. Хасанова, во второй половине XX века создавшего множество произведений для детей, по сей день не удостоились должного внимания. По мнению литературоведа Ф.Г. Галимуллина, «М. Хасанова не утомляет общение с детьми, он не перестает писать для них. Его постоянно привлекает эта область. Более того, мне кажется, что написанное для детей можно считать его лучшими произведениями» [Галимуллин, 1982, 147].

Художественные средства и стиль прозы М. Хасанова для детей

Основные черты, присущие стилю Махмута Хасанова – это привлечение внимания читателя напряженными духовными поисками, размышлениями о философских ценностях, авторской позицией в вопросах национального бытия. Обратим внимание на так называемые охотничьи рассказы, содержащиеся в сборнике рассказов М. Хасанова «Беренче ау» («Первая охота»). Субъективный герой в этих рассказах – автор. В рассказах, изложенных в виде записок охотника, литератор приобщает детскую аудиторию к вечным ценностям бытия, раскрывает правду жизни – учит верить в себя, быть добрым и милосердным человеком.

Рассказ «Беренче ау» («Первая охота») написан в 1987 году. В качестве сильной позиции можно отметить включение нескольких строк из книги «Азбука выживания»: «ни при каких обстоятельствах человек не должен терять присутствия духа, а должен бороться до конца, до победы. Людей губит не холод и не голод, а самое обычное чувство страха» [Хэсанов, Беренче ау, 1990, 4]. Рассказчик знакомит с собой, говоря: «я не охотник, а рыболов». Субъективный герой – образ автора. Заранее предупредив, что написанное соответствует действительности, он приводит теплые воспоминания, связанные с братьями по перу М. Амиром, С. Хакимом. Известно, что особенно теплые, дружеские отношения связывали литератора с С. Хакимом. В рассказе воспоминания о нем даны в виде публицистического отступления, где есть такие строки: «... в душе поэта хранятся радости, горести, сожаления и другие чувства, и мы встречаемся с литератором, рожденным вследствие пробуждения этих чувств, но уже в зрелом возрасте» [Яхин, 1996, 127]: «Ах, мои милые!.. Мои великие, но чистые душой и наивные как младенцы, мои дорогие, великодушные друзья! То, как мы с вами когда-то бывали с ночевкой и рыбачили на берегу воспетой в песнях, прекрасной реки Ик, ныне осталось лишь светлым воспоминанием, сладкой печалью» [Хэсанов, Беренче ау, 1990, 5].

Таким образом, в этом произведении писатель, уже сам достигший зрелого возраста, вспоминает о событиях сорокалетней давности. Автор-рассказчик в самом начале обращается к воспоминаниям о том, как в пору учебы в Москве съездил в гости к старшему брату, жившему в Сибири. Свои впечатления, связанные с тайгой, он передает с помощью приема замедления – ретардации: «Был месяц август. На открытых участках, полянках, скажу я вам, сплошь черника да брусника, смородина да малина. Такие крупные и сочные, но такие горькие, будто желчь. И грибов было так много, просто поразительно» [там же, 6]. Далее речь о том, как он вместе с Айкой – собакой хозяина дома Захарыча – отправился на охоту и как впервые в жизни подстрелил рябчика. Впечатления от первой охоты особенные: «Разглядываю добычу. А самого распирает от чувств: не могу нарадоваться тому, что охота удалась» [там же, 14].

Неопытного охотника, впервые оказавшегося на охоте, удивляет каждое событие и пробуждает неожиданные чувства: «Именно в это мгновение я мельком увидел, как с вершины ели довольно крупный зверек черной тенью метнулся на соседнее дерево. Сердце вновь бешено заколотилось. Я сразу понял, что этот зверек и есть тот самый соболь, у которого очень ценный мех. Пока я приходил в себя и заряжал ружье, зверек успел уже „пересесть“ на следующее дерево. Мне же суждено было увидеть лишь покачивающуюся ветку, с которой сиганул соболь и скрылся из глаз» [там же, 15].

Далее охотник повествует о том, как он заблудился и пережил чувство страха: «Стою, не осмеливаясь перевести дух. А тайга, словно взбесившийся хищник, требующий себе очередную жертву, воет-завывает так, что душа в пятки. Вдруг рядом со мной раздался звук, напоминающий то ли кашель, то ли фырканье. От неожиданности по телу побежали мурашки, и наверно оттого, что волосы встали дыбом, голова отозвалась болезненным эхом» [там же,

18]. Рассказчик в этот момент отчетливо осознает, что в таком положении ни одностовалка, ни что-либо другое не в силах ему помочь: «сам того не замечая, я оказался в самом центре, в самой гуще ужасных обстоятельств» [там же, 21].

Путь преодоления чувства страха раскрывается в последовательном описании внутренних переживаний. Если первоначальное переживание вызвано чувством растерянности перед лицом бескрайней, непроходимой тайги, то уже следующее – это ощущение внутренней силы, связанной со способностью верно оценивать ситуацию и поставить перед собой цель. Здесь сошлемся на мысль самого автора: «Только тот, кто тысячу раз падал и всякий раз находил в себе силы встать, движется вперед и может достичь своей цели» [там же, 21].

Однако через несколько минут позитивные переживания вновь сменяются ощущением безысходности ситуации, поскольку охотник понимает, что заблудился, и проникается чувством жалости к себе: «Тут что-то произошло со мной, в душе зародилось чувство жалости к себе. Это уже было плохим признаком. Есть ли еще что-то более низкое, чем чувство жалости к себе! ... Надо было скорее взять себя в руки» [там же, 21].

Чтобы уйти со скользкой дорожки жалости к себе – ради спасения от духовного падения и низости, и от безысходности шагнуть к надежде, человек может найти в себе внутренние силы. Автор-рассказчик передает эту веру и читателю: «Никоим образом нельзя поддаться мрачной тревоге, охватившей душу, и подчиниться чувству безнадежности, злобной силой вцепившейся в горло» [там же, 22].

«Спутник мужчины – решительность», и автор-рассказчик, свято верящий в эту истину, словно желает научить и своего читателя тому, как избавиться от чувства страха: «Собрав в кулак всю свою мощь и силу воли, я снова зашагал вперед. Вперед! И только вперед! Ведь оттого что ты остановился, путь твой не станет короче» [там же, 22].

Измощенный, вконец обессиленный от голода и нашествия мошкары, покусанный пчелами охотник хочет позвать на помощь, но лишь «открыл рот, чтобы крикнуть, да куда там – сам не услышал собственного голоса, из пересохшего от жажды горла вырвался лишь слабый хриплый звук» [там же, 24]. Наконец, крайняя степень безысходности: «Собрав последние силы, стал отчаянно биться и трепыхаться. С безудержной яростью, с неведомо откуда взявшейся мстительностью стал биться. В действительности же это было бунтом души, жаждавшей жить, последней битвой за жизнь, последним порывом уцелевшей в уголке души надежды» [там же, 24].

Последующее состояние – борьба за сохранение готовой вот-вот оборваться жизни и угасающей надежды: «Каким образом оторвался от ствола дерева, нависшего над пропастью, как добрался до землянки и перед ней упал навзничь, я почти ничего не помнил об этом» [там же, 24]. В этом месте автор-рассказчик делится своими мыслями и взглядами в вопросах греха и наказания. Становится ясно, что он терзается чувством вины за подстреленного на первой же охоте рябчика: «Невольно вспомнились слова моей покойной бабушки о грехе и недозволенном... Я вынужден был допустить мысль: а может все эти мучения, страдания и бедствия выпали на мою долю из-за того, что пролил кровь вольной птицы» [там же, 26].

Тем не менее, далее переживания охотника меняются. Теперь он, радуясь тому, что остался жив, весьма серьезно и с поразительной твердостью размышляет о выборе пути: «Пока жива душа в теле, нельзя падать духом, надо выбрать путь, чтобы идти дальше. Только вот какой он, этот путь? На какой же стороне лежит нужная мне дорога? У кого дорога неизвестна – у того безнадежно и будущее» [там же, 27]. Преодолев состояние уныния и тревоги, охотник продолжает свой путь, «не отдавая себе отчета в том, куда же он движется, знай себе шагал и шагал вперед»: «Чувствую, силы мои убывают, покидают меня, как только увижу более-менее подходящее место, сразу же упаду, немного отдохну и сил наберусь, и обуреваемый этими мыслями, продолжал шагать, уже еле переставляя ноги» [там же, 27].

Встретившееся по дороге захоронение оленя – «картина, способная ранить в самое сердце, и без того саднящее от боли» – перевернуло всю душу охотника. Им вновь овладело черное уныние: «Израненная душа полна смятения. В голове роятся тысячи путаных мыслей. Нет сил терпеть эти душевные муки. Мрачная безнадёга овладела всем моим существом. Никогда ранее я не испытывал подобного состояния и ощущения того, что этот мир настолько тосклив, непригляден и являет собой бессмысленную пустоту» [там же, 31].

«Кто дороги боится, тот цели не добьется», – подбодрив себя этой поговоркой, охотник снова трогается в путь. В этом месте автор размышляет о суровой истине бытия: «Тяжко, очень тяжело было мне. Однако даже если в груди бурлит море или бушует пламя, нужно проявить терпение и хладнокровие!» [там же, 31]. Признание этой истины не оставило и следа от бывшего страха в сердце, поэтому охотник довольно быстро находит возможность приспособиться к таежной жизни. Ловит рыбу, изрядно помучившись, все же добывает огонь с помощью ружейного ствола и разжигает костер: «Вначале я не поверил своим глазам: поверх кучи распушенной ваты, напоминая крошечного насекомого, ползущего оставляя черный след, показался язычок пламени... на его пути я насыпал мелко накрошенную берестяную щепу. Вдруг и они ожили: словно выражая свое недовольство, они ворчливо корчились, скручивались и сгорали. В тот же миг голубой шелковой лентой начал виться дымок. Увидев эту картину, на глазах навернулись слезы...» [там же, 36].

Чувства между тем достигают точки наивысшего накала, о чем свидетельствуют слезы. Огонь – надежда, огонь – очаг – эти мотивы как бы извещают о том, что чувства и переживания в произведении близки к кульминации. Мнение автора здесь принимает форму обобщающей мысли, подводящей итог произошедшего: «Ведь, оказывается, в человеке лишь бы ниточка надежды не оборвалась да не угасла такая великая сила, как вера в себя! <...> Если человек имеет достойную цель, светлое стремление, то никогда не почувствует себя одиноким и в конце концов все равно добьется своей мечты. И не надейся победить такого человека» [там же, 38].

В это время, то ли для испытания крепости едва проклюнувшейся в сердце веры в себя, случается еще одно событие – встреча с хозяином тайги медведем. Поверивший в свои силы охотник с честью выдерживает и это испытание. Покидая тайгу, охотник спокоен, слова его

звучат обнадеживающе: «Плот все еще плывет. Над головой в небосводе россыпь бесчисленных звезд. Когда они дружно перемигиваются и мерцают, оказывается, ни темная ночь, ни черная как деготь вода не кажутся такими тревожно-пугающими. Вон, рассекая небосвод пополам, лежит Млечный путь. Чу. А не в том же ли направлении плывет и мой плот?» [там же, 43]. Млечный путь в данном случае понимается как стезя бытия, как путь истины: «Наконец плот снова выбрался на речной простор. На краю небес брезжил рассвет. <...> Я встал во весь рост. Тайга куда-то отступила. На склоне пологой горы угадывалось какое-то селение. В окнах некоторых домов мерцали огоньки, наполняя душу светлой надеждой и энергией жизни» [там же, 44]. Рассветная пора – это образ с явно читаемым символическим значением. В психологическом состоянии героя надежда – это новое состояние, родившееся вследствие осознания истинной ценности бытия, это также и совершенно новая реальность.

Мы уже отмечали, что этот рассказ о преодолении самой страшной силы бытия – о борьбе со страхом и победе над ним. В произведении, написанном для детей, М. Хасанов ярко и образно описывая события, связанные с охотой, считает возможным также акцентировать внимание на мотивах надежды-безнадежности, жизни-смерти, греха-наказания. С помощью описания пейзажа автор передает чувства тревоги и страха, охватившие героя, и показывает, как меняются переживаемые им душевные состояния, насколько полными и цельными являются эти новые чувства. По мнению автора, если человек обладает твердостью духа и силой воли, это служит залогом уверенности в своем будущем и основанием для счастливой жизни. Таким людям не свойственно чувство страха перед жизненными испытаниями и зигзагами судьбы.

Символический подтекст детской прозы М. Хасанова

Широкое обращение к условно-метафорическому уровню повернуло и развитие детской прозы в другое направление. В повестях и рассказах изображение природных явлений и пейзажей обогатилось с функциональной точки зрения, с целью усиления художественности в ткани произведения образовался символический пласт. Череду переживаний М. Хасанов словно цепью связывает воедино, скрепляя друг за другом отдельные элементы: явления природы, портрет, пейзаж и др. В рассказе «Көлде, мыскыл итте» («Посмешище») в описании осенней поры заложен скрытый смысл, намекающий на нарастание внутреннего нетерпения от затянувшегося ожидания: «Осень настала. Дни испортились. Небесный свод заволочло тяжелыми, низко проплывающими тучами. День будучи не в силах до конца сбросить оковы тьмы, бьется в ложных сумерках, будто и он рождается в недрах этих темных туч» [там же, 46]. Поговорив о подобных днях, «разделяющих времена года пополам», автор-рассказчик сообщает о наступлении сезона охоты в начале зимы: «Это – самая долгожданная пора для охотников. Оставленные на первом белоснежном покрывале следы птиц и диких зверей – это будто написанные на белой бумаге загадочные, многозначительные

письмена» [там же, 46]. В рассказе изложена история незадачливого охотника, которого перехитрил заяц. Убегая от лисы, зайчишка спрятался под автомашиной охотника, а когда последний тотчас же захотел схватить бедного зайчика за длинные уши, того и след простыл. Истории про этого зайца повествуются и в рассказах «Өй янында өнебез алынды» («Возле дома напугались»), «Миңа таныш куян ул» («Это мой знакомый заяц»), «Куян түгелдер ул, зэхмәттер» («Это не заяц, а нечистая сила»), «Саумы, Кара колак» («Здравствуй, Караколак»). В последнем рассказе охотник, азартно «преследовавший» зайца по имени Караколак, сам же начинает тревожиться: «Снова весна пришла. Однако в этом году она не порадовала меня, как в былые годы, не вдохновила. Причина одна: лушу постоянно терзает невеселая мысль: неужели мы остались без нашего зайчика?» ... «Казалось, будто вечная природа, доселе дарившая мне жизненную силу, стала ущербной, будто от неё откололся какой-то кусок» [там же, 66]. После того, как обнаружен Караколак, он практически счастлив: «Мне стало так хорошо. Я даже ощутил, как к горлу подступает горький комок. И день будто стал светлее» [там же, 67].

Таким образом, охотничьи рассказы М. Хасанова – прекрасные образцы татарских рассказов для детей. Мы считаем, что вполне уместно было бы предложить их в программу средней школы.

В ряду произведений М. Хасанова, адресованных детской аудитории, рассказ «Жирән кашка» («Рыжий со звездочкой») – «вправе считаться достижением в творчестве писателя» [Галимуллин, 1982, 147]. По мнению литературоведа Ф. Галимуллина, «как верно подмечено неразрывное единство между человеком и природой, здесь оно изображено с особым изяществом» [там же, 147]. Когда это произведение увидело свет, писатель Р. Тухватуллин написал следующее: «Через судьбу коня в произведении раскрываются интересные и поучительные страницы жизни нашего народа, сюжет увлекателен и собран, язык тоже радует бойкостью и изяществом» [Төхфәтуллин, 1977, 171].

Писатель возрождает мотив любви к коню в татарской литературе. После прочтения произведения «душа радуется, что тема, идущая от «Алмачуар» Г. Ибрагимова, имеет столь удачное продолжение» [Галимуллин, 1982, 147].

Следует сказать, что «татарская литература, изначально считавшаяся деревенской» [Миңнуллин, 1989, 11] в 1960–1980 годах создала произведения, «избравшие рассказ о татарской деревне центральной темой, все общественные проблемы связывавшие с судьбой человека от земли» [Заһидуллина, 2015, 178], относящиеся к течению деревенского реализма. В ту эпоху в детской прозе были ли произведения, относящиеся к вышеназванному течению, нам неизвестно, однако образ сельского жителя, в ущерб личному счастью посвятившего свою жизнь честному служению колхозу, предлагался в качестве образцового героя.

В качестве сильной позиции произведения М. Хасанова «Жирән кашка» («Рыжий с звездочкой») вынесенный в эпиграф фрагмент народной песни позволяет заранее узнать содержание, погружая читателя в грустные переживания и настраивая на сентиментальную

волну: «Рыжий конь мой, Качает головой, животина моя...». Душевные муки, связанные с потерей коня – мотив, лежащий в сердцевине произведения. Образ коня возникает как напоминание об утраченной красоте, оставшейся в прошлом, как позиция автора в понимании ценностей бытия и постижении смысла жизни, и связанные с этим экзистенциальные переживания. Сентиментализм в выражении мыслей и позиции автора лишь усиливает силу воздействия произведения.

Рассказчик – мальчик, участник происходящих событий. В самом начале рассказа мы знакомимся со стариком Шайми, который «болеет» конями и понимает их язык: «Мой дед уже очень стар. Усы и борода у него давно поседел и похожи на выцветший лен. Задубевшее от солнца, обветренное лицо украшено глубокими продольными и поперечными морщинами. Сам не знаю почему, но я люблю долго, не мигая смотреть на его морщинистое лицо. Особенно когда он улыбается. Никто не умеет так улыбаться: нависшие веки еще более суживают щелки глаз, морщины, как спутанные нити, еще более запутываются. Не только губами, а одновременно всем лицом улыбается он» [Хасанов, Жирэн кашка, 1990, 69]. С помощью образа старика Шайми литератор раскрывает характер татарского человека. «Через отношение Шайми-ага к коням восхищаешься великодушием, милосердием человека, радуешься, видя, что и животное отвечает верностью за любовь» [Галимуллин, 1982, 147].

Мальчик рассказывает о своем деду с большой любовью, дорожа им. Для еще более впечатляющего изображения глубины чувств автор выбрал вид портрета как совокупности ощущений: «Своей большой, как лопата, рукой со вздувшимися синими жилами он гладил меня по голове» [Хасанов, Жирэн кашка, 1990, 69]. Автор ведет повествование, связывая события с двумя линиями времени – прошлое-настоящее. С позиции рассказчика раскрывается общественная проблематика. Дедушка мальчика-рассказчика «повидал многое, прошел очень трудный, сложный жизненный путь. Сызмальства, едва начав ходить, сел на коня и вместе с отцом пас огромное стадо овец у богачей. А позднее, после смерти отца, он стал практически главой семьи, состоящей из тринадцати душ, на его плечи легли заботы о всех повседневных бытовых нуждах, чтобы не дать семье «свалиться с ног». Земельного надела у них почти не было» [там же, 70]. Создавая образ Шайми-ага, в свои семьдесят пять лет трудившегося конюхом, М. Хасанов остался верен традициям, присущим литературному процессу 1960 годов. С одной стороны, Шайми-ага в соответствии с требованиями течения социалистического реализма изображен как образцовый герой. С другой стороны, литератор превозносит Шайми-ага как одного из тех людей, на которых держится земля, как хранителя гармонии в национальном бытии.

Рассказ о ходе событий ведется в форме воспоминаний о прошлом. Упомянув о том, как умерла породистая кобыла во время родов, мальчик приводит историю, рассказанную дедом. История о судьбе лошади, о том, как купили и лечили, но потом вынуждены были продать Каракош, настраивает читателя на сентиментальную волну. Здесь же с удивительной любовью повествуется о том, как был счастлив мальчик с жеребенком Каракуз, как привязался к нему, холил и лелеял, восхищенно наблюдал за шалостями своего питомца.

Общественная проблематика освещается во взаимосвязи с жизнью татарской деревни начала XX столетия: «Это был год, когда богачи-помещики безудержно кутили, возглашая: «Встречаем новый век!» Зато беднякам и нищим тогда приходилось очень туго, в том году случился страшный голод. Народ пробавлялся крапивой и лебедой, и от голода умерло бесчисленное множество людей. Но и на следующий год хлеб не уродился. О муке и крупах уже не вели речь в пудах. Особенно тяжело пришлось таким, как мы, малоземельным. Обесилев от голода, наша мать свалилась с ног» [там же, 83]. Возвращение домой Каракош, поневоле проданной ради спасения от голода – самое потрясающее явление: «В наших краях есть такой обычай: коли проданная на чужбину скотина возвращается обратно, то обратно его не отдают» [там же, 85].

История воспитания Каракуза как скакового коня рождает прямые ассоциации с рассказом Г. Ибрагимова «Алмачуар», в сознании читателя закрепляется мысль о том, что любовь татарского человека к коню уже в крови и является национальной чертой: «Когда ему пошел третий год, вместе с другими жеребятками дедушка стал и Каракуза приучать к узде, к хомуту. Дело нашлось и для нас, пацанов. Первым сесть на него, конечно, нам не доверили... Но спустя неделю-другую мы уже с ветерком, как на сабантуе, скакали верхом... На дорогах, по которым мы мчались, вслед клубились густые облака пыли» [там же, 87].

В этой повести многие приметы народной жизни в стране усиливаются на волне интертекстуальных связей с известными произведениями в татарской литературе. Начало войны, отправка Каракуза на войну, спасение конем солдат от смерти, возвращение коня домой – все это представляет собой единую цельную историю. Внутренний порядок национального татарского бытия, образ жизни, мелодия татарской души передаются с помощью размышлений героев, описания пейзажа: «Зима. За окном, по самые рамы утопающем в снегу, плачет ветер. В доме тихо. Где-то, наверное, за печкой, неумолчно чирикает сверчок. В такие вечера я любил слушать дедушкины рассказы» [Хэсанов, 1990, 92]. Отображение национального образа жизни в этом произведении рождает ассоциации с известными произведениями А. Еники, Г. Баширова, М. Магдиева, Ф. Хусни, Р. Тухватуллина и др.

В повести в ореоле мотива любви к коню возрождаются глубокие чувства к первоосновам национального бытия – к разумно устроенному образу жизни, красоте обычаев и обрядов, благородству нравственных устоев. Картина внешнего мира, опосредованная народной мудростью, взглядом народа на окружающую действительность, образностью речи и меткостью оценок, в итоге складывается в целостный национальный образ.

Заключение

Таким образом, произведения М. Хасанова, написанные для детей, достойны внимания и с точки зрения раскрытия образа национального бытия. В произведениях пи-

сателя, адресованных детям, наблюдаются черты, объединяющие их с творчеством видных татарских писателей, в этом ряду можно отметить психологизм А. Еники, народность языка Г. Баширова, лиризм М. Магдиева и др. Детская проза М. Хасанова занимает особое место в литературе, ориентированной на национальные истоки и традиции.

Библиография

1. История татарской литературы нового времени. Казань: Фикер, 2003. 472 с.
2. Ломидзе Г.И. (ред.) Художественные искания современной советской многонациональной литературы. Казань: Штиль, 1976. 359 с.
3. Мингазова Л.И. Психологизм в татарской детской прозе конца XX века. // Филология и культура. 2013. № 4(34). С. 206-209.
4. Мингазова Л.И. Татарская детская литература в литературном процессе начала XX века // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 9. С. 327-333.
5. Поляк Л.М, Ковский В.Е. (ред.) Жанрово-стилевые искания современной советской прозы. М.: Наука, 1971. 349 с.
6. Усманов М. Навсегда в памяти моей // Маяк. 1997. 18 декабрь. С. 4.
7. Шарипов М. Он жизнь любил // Маяк. 1997. 18 декабрь. С. 5.
8. Галимуллин Ф.Г. Юл кешесе // Казан утлары. 1982. № 1. С. 146-151.
9. Заһидуллина Д. Кереш / Яңа дулкында (1980-2000 еллар татар прозасында традицияләр һәм яңачалык). Казан : Мәгариф, 2006. 254 с.
10. Заһидуллина Д.Ф. 1960–1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләре. Казан: Татар.кит.нәшр., 2015. 178 с.
11. Минһажева Л.И. XX гасыр татар балалар әдәбияты: үзенчәлекләре һәм үсеш тенденцияләре. Казан: Хәтер, 2011. 312 с.
12. Миңнуллин Ф. Реаль хәлләргә күз салыйк // Затлылык: әдәби тәнкыйть мәкаләләре. Казан: Татар.кит.нәшр., 1989. 144 с.
13. Төхфәтуллин Р. Дулкыннар ярга кага // Казан утлары. 1977. № 12. С. 170-172.
14. Хәсәнов М.М. Беренче ау. Казан: Татар. кит нәшр., 1990. 335 с.
15. Хәсни Ф. Уйланулар. Казан: Татар. кит.нәшр, 1961. 222 с.
16. Яхин А.Г. 11 сыйныфта татар әдәбиятын укуы: Укытучылар өчен кулланма. Казан: Мәгариф, 1996. 119 с.
17. Abulhanova Z.R., Gumerova E.F., Mingazova L.I. Dual targeting of the depiction of the world of childhood // International Journal of Humanities and Cultural Studies (IJHCS). 2016. URL: <http://www.ijhcs.com/index.php/ijhcs/index>

Children's prose of Mahmut Khasanov

Al'bina A. Khairullina

Postgraduate,

Galimjan Ibragimov institute of language, literature and art,
420111, 12 Marksa st., Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation;

e-mail: hi.masana@yandex.ru

Abstract

In the 1960s – 1980s the Tatar children's prose in its development merges with those changes that occurred in the literature of the end of the century, namely, the desire to reflect the relationship between man and society in its entirety. This brought to the fore serious realistic works, where the lyric-emotional, psychological, critical and journalistic styles will form itself. The main features inherent in the style of Mahmut Khasanov are attracting the attention of the reader to a tense spiritual search, reflections on philosophical values, author's position on issues of national existence. Along with all the literature, children's literature, from the moment of formation to the present day, has gone through a complicated and long way, relying on the traditions worked out by mankind, undergoing changes that meet the requirements of the time, covering every important issue in the field of education in each epoch. The appeal to the conditionally-metaphorical level has also turned the development of children's prose in another direction. In the stories and narratives the image of natural phenomena and landscapes was enriched from a functional point of view, in order to enhance the artistic quality, a symbolic layer was formed in the fabric of the work. In Khasanov's works addressed to children, there are traits that unite them with the work of prominent Tatar writers, in this line one can note the psychology of Amirhan Eniki, Gumer Bashirov's language, Mukhamet Magdiev's lyricism, etc. Mahmut Khasanov's children's prose takes a special place in literature, focused on national sources and traditions.

For citation

Khairullina A.A. (2017) Detskaya proza Makhmuta Khasanova [Children's prose of Mahmut Khasanov]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (1A), pp. 270-282.

Keywords

Children's literature, Mahmut Khasanov, philosophical values, nationality.

References

1. Abulhanova Z.R., Gumerova E.F., Mingazova L.I. (2016) Dual targeting of the depiction of the world of childhood. *International journal of humanities and cultural studies (IJHCS)*. Available at: <http://www.ijhcs.com/index.php/ijhcs/index> [Accessed 15/07/2016].
2. Galimullin F.G. (1982) Yul keshese [Path]. *Kazan utlary*, 1, pp. 146-151 [In Tatar].
3. *Istoriya tatarskoï literatury novogo vremeni* [History of Tatar literature of modern times] (2003). Kazan: Fiker Publ.
4. Khəsənov M.M. (1990) *Berenche au* [First hunt]. Kazan: Tatar. kit. nəshr. Publ. [In Tatar].
5. Khəsni F. (1961) *Uilanular* [Reflections]. Kazan: Tatar. kit. nəshr Publ. [In Tatar].
6. Lomidze G.I. (ed.) (1979) *Khudozhestvennyye iskanıya sovremennoi sovetskoi mnogonatsional'noi literatury* [Artistic quest of modern Soviet multinational literature]. Kazan: Shtil' Publ.
7. Mingazova L.I. (2011) Tatarskaya detskaya literatura v literaturnom protsesse nachala XX veka [Tatar children's literature in the literary process of the beginning of the twentieth century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state pedagogical university], 9, pp. 327-333.
8. Mingazova L.I. (2013) Psikhologizm v tatarskoï detskoï proze kontsa XX veka [Psychologism in the Tatar children's prose of the late twentieth century]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 4 (34), pp. 206-209.
9. Minnullin F. (1989) Real' khəllərgə kyz salıyk [Look for real world situations]. In: *Zatlylyk: ədəbi tənkyit' məkaləläre* [Jewel: literary criticism]. Kazan: Tatar. kit. nəshr. Publ. [In Tatar].
10. Minhazheva L.I. (2011) *XX gasyr tatar balalar ədəbiyatı: yzenchəlekləre həm ysesh tendentsiyaləre* [Children's literature in the twentieth century: features and trends]. Kazan: Khəter Publ. [In Tatar].
11. Polyak L.M, Kovskii V.E. (eds) (1971) *Zhanrovo-stilevye iskanıya sovremennoi sovetskoi prozy* [Genre and style in modern Soviet prose]. Moscow: Nauka Publ.
12. Sharipov M. (1997) On zhızn' lyubil [He loved the life]. *Mayak*, 18 Dec., p. 5.
13. Təkhfətullin R. (1977) Dulkyınnar yarga kaga [The shore the waves refused]. *Kazan utlary*, 12, pp. 170-172. [In Tatar].
14. Usmanov M. (1997) Navsegda v pamyati moei [Forever in my memory]. *Mayak*, 18 Dec., p. 4.
15. Yakhin A.G. (1996) *II syinyfta tatar ədəbiyatyn ukytu: Ukytuchylar əchen kullanna* [Literature in grade 11: teacher's guide]. Kazan: Məgarif Publ. [In Tatar].
16. Zahidullina D. (2006) Keresh [Introduction]. In: *Yaņa dulkynda* (1980-2000 ellar tatar prozasynda traditsiyalər həm yaňachalyk) [The new wave (1980s–2000s in the Tatar prose: tradition and new)]. Kazan: Məgarif Publ. [In Tatar].
17. Zahidullina D.F. (2015) *1960–1980 ellar tatar ədəbiyatı: yaňarysh məidannary həm avangard ezlənıylər* [Tatar literature between 1960 and 1980: the revival of the avant-garde platforms and research]. Kazan: Tatar. kit. nəshr. Publ. [In Tatar].